

ТРИ РАССКАЗА

«Динамо» Харьков

Ранняя мудрость как ранняя беременность: легко даётся, легко забывается. В конце девяностых в Харькове жили две сестры. Снимали комнату у азербайджанца, которого звали Гена. Все думали, что они живут втроём, но это неправда, поскольку Гена был гомосексуалистом, что среди азербайджанцев встречается крайне редко – принимая во внимание сложную историю и религиозные особенности региона. Сестёр он звал Зита и Гита. Отличал он их по волосам: у Зиты они были длинными, у Гиты – короткими. И вот любовник Гены, тренер динамовского бассейна, пробил сёстрам абонемент, один на двоих. И они стали ходить в бассейн, по очереди. Как и следовало ожидать, старшая сестра тут же успела тренера-гея полюбить. Но и Гита тоже успела. И вот образовался такой как бы любовный треугольник. Стоит ли говорить, что отношения развивались слабо. Тогда сёстры посоветовались и решили: пусть победит сильнейшая. И стали по очереди обращать на себя внимание тренера. Но фишка была в том, что старшая из сестёр плавать не умела, зато младшая – плавала хорошо, и охотно этим пользовалась. Тренер, тем временем, стоял, опершись на фанерные щиты с рекламой Олимпийского комитета, и мечтательно глядел на детские головы в резиновых шапочках. Старшая сестра долго не могла понять, почему тот не обращает на неё надлежащего внимания. Сначала она обижалась, потом демонстративно его игнорировала, потом отчаянно пыталась забыть, и всё это – держась за буйки. И тут до неё дошло, что на самом деле тренер просто не видит её со своего поста, поскольку она, в отличие от сестры, держится так близко от берега, что её просто не видно. И тогда она решилась на отчаянный шаг, как настоящая влюблённая. Отпустила тросы и канаты и оттолкнулась ногами от кафельной стенки. Ну и сразу же пошла на дно. Тренер это заметил, однако спасти её не успел, по той простой причине, что когда она плавала, он, как было записано в протоколе, «нарушал технику безопасности и устав Олимпийского комитета», иначе говоря – дробил. И кинуться вот так просто в хлорированную воду не отважился. Хоронили Зиту всем спортивным сообществом. А тренера уволили. К тому же у него начались проблемы в личной жизни – вследствие психологического стресса. Он пошёл к психиатру. Рассказал ему всё – и про бассейн, и про нарушение техники безопасности.

Даже не знаю, от чего вас лечить, признался доктор. Именно там, у психиатра, тренер познакомился со странным пациентом – художником-оформителем, который принадлежал к числу постоянных клиентов и которого психиатр старательно избегал. Художник рассказал ему свою историю. Пару месяцев назад он познакомился с женщиной. Было ей лет тридцать, выглядела она эффектно – вела себя, однако, сдержанно. Выяснилось, что работает она в протестантской школе, менеджером по связям с общественностью. Художник сразу же подкатился к ней и предложил встретиться, упирая на всяческие христианские чувства, в частности, на чувство всепрощения. Менеджерша его отшила. Художник подумал, что такую

женщину надо поразить эффектным поступком. Пошёл домой и попробовал отравиться газом. Соседи вызвали авраийную службу и ошибочно – пожарников. Пожарники залили два этажа водой и с чувством всепрощения поехали домой. Пришли представители ЖЭКа и стали требовать, чтобы художник оплатил ремонт. Кто-то посоветовал ему обратиться к психиатру и выбить у него справку, подтверждающую, что газом он народ травил в состоянии психического аффекта и без злого умысла. Теперь доктор от него прятался, и в приёмной скапливались длинные очереди. Наконец, художник снова отправился к менеджерше, решив упираться на чувство социальной справедливости. Протестанты приняли его как блудного сына и заказали ему большое панно для спортивного зала своей школы. Художник заказ охотно принял и сходу предпринял попытку подкатиться к менеджерше по связям с общественностью, подкараулив её в рабочем кабинете и завалив прямо на принятые ею факсы. Менеджерша его гневно вытолкала и посоветовала заняться общественно полезным трудом на благо Господа нашего. Более того, небрежённый творец стал замечать, что его возлюбленную связывают какие-то странные отношения с отцом-настоятелем – старым добрым пастором, которому было уже лет семьдесят и которого привозили в церковь в инвалидной коляске. Тогда художник решил нажать на морально-волевые качества и снова завалился в кабинет менеджерши. Та расплакалась, сказала, что это трагедия всей её жизни, что она сама осознаёт всю двусмысленность своего положения и чувствует себя, как Мария Магдалина, – ни больше ни меньше – и что гореть ей, в итоге, в геенне огненной, но она любит старика и просит оставить её в покое. Художник попробовал снова её завалить, но она заехала ему коленом в живот, и он вынужден был вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Такую женщину следует поразить парадоксальностью мышления, подумал он. И приступил к работе. В соответствии с общей идеей, на панно художник должен был изобразить аллегорические фигуры, которые, с божьей помощью, должны были пропагандировать здоровый образ жизни – без секса и наркотиков. Но после ссоры в кабинете менеджерши художник решил упираться на чувство раскаяния, так что изобразил среди тренажёров стилизованную под работы старых итальянцев сцену распятия. Иисус на панно был похож на вращающегося на турнике гимнаста. Мария с учениками напоминали членов жюри, стоявших сбоку и подсчитывавших полученные спортсменом баллы. В уголке, одинокий и всеми забытый, в чём-то наподобие инвалидной коляски, сидел Иуда, похожий на старого гимнаста, который в своё время злоупотребил стимуляторами и не прошёл допинг-контроль. Небо над Голгофой было подсвечено жёлто-зелено-красными растафарианскими¹ отблесками, что, по замыслу художника, должно было символизировать триединство божественного начала. Менеджерша, увидев работу, решила судиться и вызвала адвоката. А отец-настоятель умер через пару дней от простуды, так и не увидев нового панно. Хоронили его всей школой. На поминках художник напился и полемизировал со святыми отцами о Святой Троице. Адвокат – дамочка лет сорока, с твёрдыми взглядами на жизнь и кровавыми ногтями – пошла в спортзал и долго разглядывала панно. Сказала, что ей нравится доминирование зелёного.

Там, в спортзале, её и нашёл один из учащихся школы, Стасик, который заприметил её ещё на кладбище, а теперь всё пытался к ней подойти и о чём-то рас-

¹ Растафарианство – общее название совокупности африканских религиозно-политических учений и верований, одним из направлений которого является христианская ветвь. Движение растафари распространилось в 1970-х годах по всему миру благодаря музыкальному стилю регги, возникшему на Ямайке и особенно популярному в США, Великобритании и Африке, частично утратив при этом свою религиозную и расовую основу (прим. ред.)

спросить. Был это тихий, старательный ученик – баскетболист и мечтатель, худой, с нервным блеском в глазах и палящим жаром в сердце. Словом – типичный баскетболист. Выследив женщину, он, наконец, решился и, незаметно войдя в зал, прикрыл за собой дверь. Женщина сразу же заметила его, но сделала вид, что всё в порядке. И продолжала разглядывать панно. Он подошёл и, чрезвычайно нервничая, прижался к ней, а потом стал осторожно и неумело стаскивать с неё одежду. Сначала стащил кожаный пиджак, потом рубашку, потом долго разбирался с бюстгальтером, так что она аж вся завелась. Ну что же ты, думала, что за срань господня, но наконец ему это удалось, бюстгальтер полетел на паркет, и только тут она повернулась и кинулась на него, как львица. Но кидаться уже было не на кого – Стасик свою порцию радости уже успел получить, и теперь только смущённо разводил руками. И ногами. Из школы они ушли вместе. Женщина-адвокат просила на людях называть её тётей Настей, заставляла делать всякие ужасные вещи и поручила ему разруливать дела со своими дилерами. Спустя несколько дней Стасик уже знал всех доходяг города, снабжавших тётю Настю наркотиками разной степени тяжести. Стасик легко находил с ними общий язык, оставался на несколько дней в качестве залога, пока тётя Настя находила бабки, приходила за ним, цепляла на шею поводок и вела к себе на квартиру заниматься ужасными вещами. У себя дома Стасик сказал всем, что у него начались семинары и что он с одноклассниками занимается химией. Иногда их охватывала странная страсть и тревога. Однажды тётя Настя прицепила его наручниками к батарее, и они всю ночь целовались, а когда утром ей стало плохо от выпитого шампанского, она побежала в туалет блевать – и ключ от наручников упал в воду и исчез в бурных волнах. Три дня она кормила его, прикованного к батарее, сухой китайской лапшой и подавала пустые бутылки из-под шампанского, чтобы он мог отлить. На третий день лапша закончилась и они вызвали слесаря. После этого тётя Настя поехала в командировку, а Стасика после уроков заловили кредиторы и забрали у него мобильник, ключи от квартиры адвокатши и карманные деньги, которые тётя Настя оставила ему на школьные завтраки. Стасик отправился за советом к маме.

Мама его, старая актриса кукольного театра, выслушала всё спокойно и терпеливо. Стасик был поздним ребёнком, хоть и не сказать, что чересчур любимым. – Ах, как это прекрасно, – сказала мама-актриса, кутаясь в пёстрый китайский халат, – вот ты, Стасечка, и стал мужчиной. Нам, – сказала мама, – давно пора бы об этом поговорить. – Вот возьмём, например, меня, – начала она издали. – Сам понимаешь, что такое профессия артиста, это же всю жизнь на колёсах. Ах, Стасечка, театр для меня – это больше, чем жизнь: это моя страсть. Ты же знаешь, я занята сразу в пяти спектаклях, причём – в обоих составах. А это всё нервы, нервы! – Мама Стасика играла по преимуществу положительных героев – хомячков, зайчиков и выдру-оборотня. – И вот ты знаешь, – сказала она, – у меня появился странный поклонник. Он, Стасечка, пишет мне письма. Но такие какие-то странные – вот посмотри. – И она показала Стасику пачку писем. Оказалось, что старухе уже несколько месяцев писал какой-то маньяк. Письма были путаные и длинные, неизвестный то называл исполнительницу роли выдры-оборотня «своей Марлен», то угрожал отрезать ей голову, то вставлял обзорные рецензии на спектакли кукольного театра и намекал на любовь с первого взгляда, то присылал отскеренные вырезки из учебника анатомии – с изображёнными там внутренними органами человека. – Вот-вот, – оживлялась мама, – Стасечка, вот здесь, никак не могу понять: куда-куда он меня хочет? Ах, Стасечка, – продолжала она мечтательно, – я боюсь, что однажды, когда я приму снотворное, он придёт и такое со мной сделает... – Мама, сказал на это Стасик, – это всё очень серьёзно. Ты не пробовала его вычислить? – Ну как же его вычислишь, – занервничала мама, – к нам на каж-

дый спектакль приходят сотни зрителей. На следующий вечер они пошли в театр вместе. Мама закрылась в гримёрке, а Стасик нашёл место в заднем ряду и стал разглядывать публику. Наконец представление началось. Полутёмный зал был заполнен детьми младшего школьного возраста. На детском фоне несколько неуместно смотрелся сорокалетний мужик – с пузом, щетиной и наколками на пальцах. И впрямь, подумал Стасик, как тут его вычислишь. После спектакля выяснилось, что у примы, прямо из гримёрки, украли её вставную челюсть. Мама ломала руки, беззубо шамкая ртом. Но через пару дней неизвестный челюсть вернул – правда, без двух коренных зубов. В сопроводительном письме он по-прежнему называл старушку «своей Марлен», писал об изумительной форме её скул, потом сбивался на обзор последнего представления, писал о художественно-стилистических особенностях образа выдры-оборотня, а под конец приглашал артистку на свидание. Писал, что будет ждать её в субботу у памятника писателю Горькому. Стасик посоветовал маме не ходить. Мама, которая теперь не выговаривала шипящих, со Стасиком согласилась.

Он пришёл на полчаса раньше. Сильно нервничал. Ходил вокруг памятника, время от времени отходя в сторону. Прошло полчаса. Потом ещё пол. Потом ещё. Понятно было, что она не придёт. Мужик купил пломбир и пошёл в парк. Мороженое таяло и стекало по пальцам. Он слизывал его, проводя языком по наколкам – всем этим якорям, сердцам, пронзённым стрелами, и солнцу, тонущему в балтийских волнах. Долго бродил по дорожкам. Потом пошёл обратно – на свет. Вышел к будке тира. Услышал какие-то крики. Прислушался. А в будке происходило следующее.

Хозяин будки – старый добрый торчок, которого все считали позитивным товарищем, пригласил в гости давнего армейского друга, который, в отличие от хозяина будки, о позитиве особо не беспокоился, имея, наоборот, у себя на работе, в бригаде проводников фирменного московского поезда, репутацию бабника и мудозвона. И вот старые друзья встретились, дунули и стали вспоминать золотые деньки армейской службы. Вспомнили старшину-сучару, сто дней до приказа, наряды по кухне, другие героические эпизоды прохождения службы в стройбате под Жмеринкой. Решили ещё дунуть и пострелять. И вот когда они уже стояли и пытались разглядеть в синем гашишном дыму всех этих металлических оленей и белых медведей, в тир вошёл коммерс, непримечательного телосложения и внешности, с пьяной тёлкой через плечо. Бросил тёлку на стул, обвёл тяжёлым взглядом помещение тира и остановился на позитивном торчке. Торчок напрягся. Его другу тоже не помешало бы в этот момент напрячься, но тот уже увидел крашеную тёлку, валявшуюся на стульях, и в нём проснулись инстинкты. И он поинтересовался, учил ли, мол, его, коммерса, кто-нибудь когда-нибудь, как следует обращаться с дамами (дама в это время перевернулась на бок и свалилась со стульев на пол), и что если надо, то он, старый десантник, готов дать уроки воспитания и начистить ебальник кому надо. Коммерс завёлся. И десантник-стройбатовец тоже завёлся. И только крашеная дама лежала на полу, и окурки застревали в её крашенных кудрях, как звёзды в траве. Но прежде чем мужчины сошлись в поединке и стали бить друг друга физиономии, хозяин будки попытался их развести. Он сказал вот что: настоящий десантник никогда не будет драться в помещении, являющемся коммунальной собственностью. – Ты же настоящий десантник? – спросил он у однопольчанина. – Настоящий, – ответил тот без колебаний. – И я, я тоже настоящий, – вдруг произнёс коммерс. – А за Надьку, – добавил он, – я вам головы оторву. Решили идти в парк. С собой взяли две воздушки. Коммерс перекинул через плечо крашеную Надьку, и окурки из её кудрей посыпались в песок, как

хрущи. За будкой они обнаружили мужика с мороженым и попросили быть свидетелем. Нашли поляну. – Давайте так, – крикнул владелец оружия, – расходитесь на десять шагов и стреляйте. Коммерс отшёл, снял с плеча боевую подругу и приставил её к сосне. Взялся за воздушку и решительным жестом разломал её, чтобы зарядить. Воздушка треснула пополам, как щепка. Коммерс растерянно посмотрел на противника. – Ну что ж, – сказал десантник, – теперь моя очередь, уж я-то постою за честь дамы. Вскинул ружьё и бабахнул. Пуля попала в приставленную к сосне тёлку и выбила ей зуб. Тёлка завалилась в песок. Все подбежали к ней. Коммерс тряс её и припадал к её груди. Потом разрыдался. – Только не умирай, Надюха, – кричал, – только живи. А за мной не заржавеет! Разорвал на себе рубашку и стал бинтовать рану. Перемотанная голова Надюхи была похожа на капусту. А коммерс разошёлся и угрожал вызвать милицию, если друзья-торчки не вставят его подружке какую-нибудь фикса, говорил, что не для того он её любит и платит ей, между прочим, большие деньги, чтобы разные уёбища выбивали ей воздушкой передние зубы. – Что же делать, – запаниковали друзья, – что же делать? Может, добить её? – стали они тихо между собой советоваться. Но тут слово взял мужик с мороженым. – Подождите, – сказал он, – у меня брат стоматолог. Я ему недавно челюсть приносил, так он её так заштопал – как новая стала. Все сразу же схватились за этого брата-стоматолога, закинули на плечи раненую Надюху и помчались на выход из парка, мимо задумчивой фигуры писателя Горького.

Брат-стоматолог впустил их в квартиру, провёл на кухню и внимательно выслушал. Потом сделал Надюхе укол и приложил к месту выбитого зуба ватку. – Без проблем, – сказал, – вставлю всё, что хотите. Только зуб несите. – Так где ж мы его возьмём, – занервничали друзья-торчки? – Выберите у кого-нибудь, – посоветовал стоматолог. Торчки напряжённо посмотрели на коммерса, который поблескивал в электрическом свете золотыми коронками. – У меня нельзя, – запротестовал тот, – у меня кариес, боюсь, и Надюхе передастся. – Брат, – сказал мужик с мороженым, – ты ж знаешь каналы. Пробей. Это хорошие люди. – Хорошо, – сказал стоматолог, – купите золото, отнесите Ивану Ивановичу, он всё сделает. Золото лучше купить у азербайджанцев. – Так где ж мы тебе сейчас азербайджанцев найдём? – и снова неприязненно посмотрели в рот коммерсу. – Брат, – снова попросил мужик, – пробей. Стоматолог, ругаясь, достал мобилу и стал пробивать азербайджанцев. Наконец позвонил бывшему однокурснику, который работал психиатром. – Послушай, – сказал, – у вас там публика интеллигентная, психи разные, помоги найти какого-нибудь азербайджанца. Друг подумал – и дал им номер знакомого художника, который уже пару месяцев симулировал у него нервное расстройство. Позвонили художнику. Художник подумал и через пару минут эсэмэской сбросил телефон знакомого тренера, который мог помочь. Позвонили тренеру. Тренер сказал, что у него депрессия, что он ни с кем не хочет говорить, но выслушав рассказ коммерса о Надюхе и трагической любви, разволновался и продиктовал номер своего бывшего приятеля, старого знакомого, которого звали Гена и который был азербайджанцем. Друзья поблагодарили, позвонили Гене и спросили, не может ли он продать им золото. Гена удивился, но сказал, что может, хотя и немного. Забили встретиться на трамвайной остановке у его дома. Торчки поблагодарили стоматолога, взяли у него на всякий случай номер Ивана Ивановича и обещали завтра зайти. На остановку Гена пришёл с коротко стриженной девушкой. – Ну, – сказал, – золотом я вообще не торгую, но могу продать вам ложку. И достал из кармана чайную ложечку. Друзья потыкались-помыкались – и решили купить. А купив, стали вызванивать загадочного Ивана Ивановича.

Трубку взяла какая-то девушка и сказала, что Ивана Ивановича нет, что его забрала милиция, и когда он будет – не знает никто. И тут друзья-торчки растерялись. А случилось вот что. Иван Иванович, ювелир и контрабандист, всю свою сознательную жизнь прожил на улице Маяковского, во дворе молочного магазина, там, где был разлив. И всю свою сознательную жизнь страдал от того, что мужики из разлива всё время ходили под его окна отлить. Он угрожал им, спускал на них пса, лил воду. Как раз накануне не выдержал и побил двух офицеров-пожарников. Офицеры вызвали милицию. Милиция приехала и, не разобравшись, что к чему, забрала всех, в том числе и Ивана Ивановича. Притащила в Киевский райотдел заперла на ночь. Офицеры выглядели контрастно, как душ, – один был толстозадый, другой – сухопарый, но пьяными были оба. Их и хотели выпустить, но идти они не могли, поэтому дежурные оставили их до утра. Иван Иванович попробовал было с пожарниками ругаться, но те не реагировали, так что старый контрабандист успокоился и подсел ко мне. А потом рассказал мне свою историю. Жил он на улице Маяковского с внучкой Машей, в одной комнате. Спали они в одной кровати, поскольку места для второй в комнате не было. Относился он к внучке заботливо, но своим присутствием в одной кровати, безусловно, подавлял её сексуальное развитие. Он и сам это сознавал. Что между ними было, я до конца не понял, но с мужчинами Маша не встречалась и росла хоть и физически хорошо развитой, но замкнутой девочкой. А было ей уже девятнадцать. Были у неё длинные волосы и нежная кожа. А на икре была сделана татуировка, в виде бабочки. – Летом, когда она загорала, – рассказывал Иван Иванович, – бабочка темнела и почти исчезала. А зимой, когда кожа была бледной и чувствительной, линии рисунка проступали резко и остро, вроде чернил на ксероксной бумаге. И вот Иван Иванович сильно от всего этого страдал, поскольку внучку любил и хотел обеспечить ей счастливое полноценное будущее. Но тут за мной пришёл дежурный. Впрочем, я не удивился: взяли меня в собственном подъезде, во время облавы, какую проводили в рамках месячника борьбы с алкоголизмом и наркоманией. Я им спасал план. Уже когда я выходил, Иван Иванович продолжал кричать. – Главное, поэт, – кричал он мне, – пиши про женщин. Вся наша жизнь – женщины! – Да заткнись ты, – сонно перебил его сухопарый офицер. – Пошёл на хуй, – ответил Иван Иванович, – только про женщин! – вернулся он снова ко мне, – запомни, поэт! И сказав это, улёгся на плечо сухопарого – досыпать.

На следующее утро его выпустили, вместе с офицерами. А через пару недель Маша встретила друга детства, Арнольда, который вернулся из Германии, куда несколько лет назад уехал с еврейской эмиграцией. Маша долго его разглядывала. Арнольд носил дреды и продавал музыку. Что я знаю про евреев, подумала Маша. Она знала, что евреев преследовали в средневековье, а в советском кинематографе они играли иностранцев, поскольку, так или иначе, в самом деле были иностранцами. Ещё через пару недель они поженились. Жил Арнольд этажом выше их, и теперь ночью, когда они любили друг друга, а потом Маша вставала и бежала на кухню попить воды, Иван Иванович слышал, как её пятки стучат по деревянному полу. Позже у них родилась дочка. У них была странная, весёлая семья. Они часто ссорились, потом занимались любовью, вместе гуляли с дочкой, вместе слушали би-боп и другие записи, которые Арнольд приносил домой, спали втроём в одной постели, она носила его одежду, он чинил её обувь, они неделями где-то пропадали, потом возвращались, и пространство снова наполнялось их смехом и стонами. – Большинство людей, – сказал ей однажды Арнольд, – одиноки и беззащитны. Они хватаются друг за друга, держатся, привязываются друг к другу, мешают друг другу жить. И всё потому, что сами понимают случайность и услов-

ность своих отношений. Большинство людей и живут вместе случайно, они сначала убеждают себя, что должны быть вместе, а потом долго-долго мучаются. И никакой опыт тут не поможет. Опыт не даёт тебе ничего – он, скорее, чего-то тебя лишает – скажем, иллюзий. Люди много говорят о своих чувствах, однако в большинстве случаев даже не знают, какого цвета глаза у того, с кем они спят. Через год они в очередной раз поссорились и разошлись. Но потом помирились и продолжают жить вместе, потому что любят друг друга, – а всё остальное, по большому счёту, мало кого трогает.

Любовь во времена дефолта

Жизнь убивает самых доверчивых, романтиков и позитивистов, лишённых чувства меры и юмора. Общество потребления, которое держится на общем доверии к шарлатанам и банкирам, обречено жить в страхе, поскольку страх даётся нам вместе с надеждой, – вместе с надеждой он и исчезает. Человеку свойственно поддаваться иллюзии достатка и стабильности, играть во все эти пафосные игры с депозитами и семейным кредитованием, с долгосрочными ссудами и перспективами карьерного роста. Капитализм как совершенная модель перекачивания бабла из ниоткуда в никуда имеет уйму вариантов шокового освобождения от таких иллюзий. Дефолт лишает излишков, однако ничему не учит: все продолжают верить в банковскую систему, но не верят в любовь и страсть.

Я в таких случаях всегда вспоминаю конец восьмидесятых, когда наши родители старались обеспечить себе какое-то беззаботное будущее, внося свои вполне реальные заработки во вполне реальный сбербанк. Сильнее всего из того времени запомнились именно чувства нерушимой уверенности и доверия, которых не могли пошатнуть никакие социальные или экономические катаклизмы, безоговорочная вера в то, что твоё государство тебя обязательно защитит. Расточительство и недоверие к финансовым институциям осуждались, а государственная машина вызывала если не уважение, то в любом случае нежность и сочувствие.

Как раз из того времени я помню один случай. Нам было тогда лет по шестнадцать, были мы достаточно инфантильными и не адаптированными к жестким условиям выживания. И у нас был приятель, старше нас парой лет, которого нам всегда ставили в пример по причине его серьёзного подхода к жизни: смотрите, какой он тихий и кроткий, говорили нам, смотрите, как он помогает родителям и не злоупотребляет алкоголем. Да-да, говорили мы и бежали за портвейном.

И с ним случилась любовная история. Как это бывает в каждой приличной мелодраме, он встретил её, свою женщину. Была она первой красавицей городка, у неё были крашенные светлые волосы, она носила короткие джинсовые шорты и ездила на мотоцикле, так что все останавливались и долго её обсуждали, и женщины утверждали, что на самом деле у неё кривые ноги и костлявая задница, да-да – задница, охотно поддакивали мужчины, думая о чём-то своём. Он попробовал завязать с ней серьёзные отношения: мол, свадьба, дети, автомобиль «Лада». Но она сразу же поставила его на место, сказала, чтобы он даже не мечтал, что она будет тратить молодые годы на такого рохлю и что у неё без него насыщенная личная жизнь и хороший секс. О сексе она говорила правду – любовников меняла легко и без особого сожаления, к сексу относилась как к физзарядке, то есть занималась им регулярно. Женщины на это завистливо плевались, мужчины, что любопытно, тоже. Но он оказался не только кротким, но и настойчивым: писал ей письма, ждал её у дома, звонил и вообще не давал расслабиться. Она рассказыва-

ла о нём подружкам, те смеялись и говорили, что шансов у него нет. Но он продолжал её преследовать. Наконец она не выдержала. Хорошо, сказала, любви у нас быть не может, но если ты действительно меня любишь, мы можем делать это за деньги. И цинично выставила ему прейскурант. Он подумал-подумал – и согласился.

И у них начался секс. Он снимал деньги с отцовского счёта, отдавал ей, она делала ему хорошо и несла деньги в сбербанк. Такой, знаете ли, натуральный обмен во времена позднего социализма. Самое интересное, что ему это даже нравилось, он считал нормальным платить за любовь такой женщины. Ей самой это, может, и не нравилось, но он исправно платил, и она не могла устоять перед искушением получить деньги за то, чем она и так занималась. Подружки ей завидовали, говорили, что за такие деньги они б тоже отсосали кому угодно. Но им денег никто не платил, поэтому приходилось заниматься этим сомнительным делом бесплатно. Мужчины презирали его за малодушие и транжирство. Хотя, думаю, в самой глубине души каждый хотел бы оказаться на его месте.

Через год интенсивного секса, который так и не перерос во что-то более серьёзное, в совке началась гиперинфляция. Все мы однажды утром проснулись в другой стране – без денег, без перспектив, без любви. Кинули всех – ну а он хотя бы нормально потрахался. Финансисты называют это идеальным инвестированием – без гарантий, процентов и малейшей конкуренции.

Процент самоубийств среди клоунов

Человек – существо доверчивое, он нуждается в идеале, нуждается в стереотипах, суррогатах, сладкой подмене понятий. Мужчины – более доверчивы, женщины – менее, однако страдают от доверчивости прежде всего именно женщины, может быть, потому, что мужская доверчивость касается только мужчин, на женщин она не распространяется. В качестве примера хочется привести такую историю.

Все знают о закрытости и изолированности артистической среды. Никто с таким усердием не прячется от мира в свои химеры и ритуалы, как актёры. И вот в середине девяностых, в те тревожные времена, когда национальная валюта валютой вообще не считалась, группа артистов одного из негосударственных театров получила приглашение в Люблин на фестиваль, посвящённый преодолению границ. Само понятие «преодоление границ» могло предполагать всё что угодно, но конкретно этой группе артистов предлагалось выступить с цирковыми номерами. Сначала артисты обиделись, но тут сработала вышеупомянутая доверчивость и сладкая подмена понятий. Артисты подумали: почему бы и нет, может, это наш шанс, может, это начало чего-то нового. И ответили организаторам, что могут привезти цирковую программу «Клоун на пляже». Постороннему человеку сразу было бы понятно, что это не начало чего-то нового, а скорее продолжение чего-то старого и бесконечного, притом продолжение хреновое. И вот они нашли клоунский реквизит, купили на барахолке большую ржавую тубу и поехали на границу. Было их пятеро. Четверо из них верили в силу искусства и хотели заработать бабла. Пятый верил в шоубизнес и просто хотел потусоваться.

В Люблине их поселили в общежитии. Одевшись клоунами, пошли на выступление. Последний, пятый, уже успел пробить на вечер траву и теперь удовлетворённо тащил за всеми тубу. На концерт пришли представители муниципалитета, делегация от украинской диаспоры и несколько феминисток, которые смотрели на ту-

бу с неприкрытой враждебностью. После выступления артистов сразу же потащили на фуршет, не давая даже переодеться. На фуршете артисты сразу же напились и стали дискутировать с феминистками. В тубу стряхивали сигаретный пепел. Четверо, те, которые верили в силу искусства, сразу же завелись и переругались с феминистками. Потом стали ругаться с представителями диаспоры, которые отказались им платить, поскольку не усмотрели в номере «Клоун на пляже» достаточной национальной ангажированности, этнического колорита, не говоря уже об угрожающем отсутствии в номере темы преодоления границ. Тем временем пятый познакомился с представительницей муниципалитета, отвечавшей за международные связи, и даже успел с ней покурить. Была это молодая женщина, крашенная рыжим и одетая в короткое чёрное платье и ажурные чулки. После первого косяка они перешли на ты, после второго – она перешла на английский, которым ни он, ни она нормально не владели.

А в это время группа из четырёх клоунов, переругавшись с представителями диаспоры и поколотив двух клерков от муниципалитета, разочарованно покинула уважаемое собрание, не забыв прихватить с собой тубу. – Жлобьё! – кричали они в сторону организаторов, – феминистки ёбанные! И тут же, собрав свои вещи и даже не смыв клоунского грима, первым автобусом двинулись в направлении границы.

Тем временем забытый ими коллега успел перейти на неизвестный ему польский и вместе с тёлкой в чулках поехал тусоваться по клубам. Где-то между тремя и четырьмя утра они остановились и стали заниматься любовью прямо в её машине, сдирая друг с друга одежду и размазывая друг другу грим. К утру они заснули: он – за рулём, она – на заднем сиденье.

А в это время четвёрка пьяных и обиженных на весь мир клоунов добралась до пограничного городка. Клоуны сразу же пошли на барахолку и выменяли там тубу на три литра самогона.

Польские таможенники, узрев на пропускном пункте четырёх клоунов с недопитой трёхлитровой банкой, покопались в их документах – и вдруг обнаружили недостачу тубы, которая значилась у них как предмет искусства. Таможенники решили не рисковать и засадили всех четверых в камеру, чтобы те могли проспать. Клоунов сложили на кровати, прямо в тяжёлых клоунских башмаках.

Тем временем брошенный ими товарищ, проснувшись в чужой машине, в клоунском гриме, достал ещё одну папиросу, разбудил свою напарницу, покурил с ней и попросил отвезти его в Украину. Тёлка, глядя на него осоловевшими влюблёнными глазами, согласилась. И вот свежим погожим днём они въехали на польскую таможню.

Таможенники, увидев на переезде пятого за день клоуна, сидевшего рядом с тёлкой в рваных чулках и с дипломатическими номерами на тачке, решили не испытывать терпение небес и благополучно пропустили странную пару через государственную границу.

Доехав до ближайших киосков, клоун сбегал за алкоголем, а потом сказал своей подружке следующее:

– Понимаешь, – сказал он, – что мне не нравится в современном искусстве? Отсутствие там духа трагедии, стихии игры, смерти, какова она есть. Все мы живём

иллюзиями, заменителями, – говорил он, отхлёбывая свой алкоголь из горла, – большинство из нас просто боятся посмотреть в глаза реальности, отводят взгляд, говорят неправду. А правда состоит в том, что настоящие клоуны не носят париков – у них от рождения такие волосы. Вот как у меня, видишь? А она сидела и со всем соглашалась. Ну, вот такая примерно история, в которой, если подумать, ничего необычного, поскольку бабы всегда любят настоящих клоунов. Хотя замуж выходят за акробатов.

Перевела с украинского Лариса Щиголь